

местных магнатов¹²². Подобной могла быть и позиция крупных привилегированных корпораций, которым связь с государством обеспечивала определенные выгоды, и купеческих кругов, менее втянутых в торговлю с феодалами.

Таким образом, в византийском городе XIV в., по-видимому, не столько велось наступление на феодалов новых, более прогрессивных кругов, сколько оборонялись старая, ослабевшая бюрократия, пытавшаяся отстоять централизованные формы эксплуатации и сдерживать развитие феодальной раздробленности, наиболее крупные торговые корпорации, стремившиеся удержать свои экономические позиции, и принадлежавшая к этим кругам интеллигенция. Причем активность этих слоев возрастала не с ростом, а с ослаблением их реальных сил. Усиливая борьбу за политическую власть, феодалы ставили задачу ограничения деятельности государственной администрации, а это можно было сделать, лишь укрепив городское феодальное самоуправление и противопоставив его государственному аппарату, т. е. подчинив себе город не только экономически, но и политически. Перед этой угрозой императорская власть более тесно сомкнулась с бюрократической и торговой верхушкой столицы и других имперских центров.

Тенденция к усилению феодальной раздробленности поддерживалась значительной частью монашества, стремившегося к децентрализации церкви, к ослаблению власти патриарха и белого духовенства вообще. Оно добивалось большей автономии и самостоятельности своих общин, как светские феодалы — полноты власти в своих владениях и их округе¹²³. Неудивительно, что эти силы объединились. На стороне же императорской власти оказалась большая часть белого духовенства, в том числе константинопольская церковная верхушка. Союз императора и патриарха во многом объясняет медленное развитие феодальной раздробленности в Византии.

Все это, однако, не оправдывает, на наш взгляд, вывода, что в развернувшихся в XIV в. социальных битвах в Византии была предпринята попытка преодоления феодальной раздробленности и установления «абсолютизма»¹²⁴, не говоря уже о том, что будто бы имела место борьба «между силами, стремящимися сохранить существовавший политический строй» (курсив наш. — Г. К., В. Р.), и силами, выступавшими против господства феодальных институтов в обществе» (курсив наш. — Г. К., В. Р.)¹²⁵

Поскольку в марксистском понимании термин «абсолютизм» связан с новой формой феодального государства, возникающей вместе с разложением феодальных отношений и генезисом капитализма, постольку, видимо, и изложенная выше оценка М. Я. Сюзюмовым характера социальной борьбы в Византии XIV в. находится в тесной связи с его концепцией экономического развития поздней Византии (зарождение элементов капиталистических отношений). Не приняв эту концепцию, мы не можем согласиться и с выводом о борьбе за торжество абсолютизма.

На тех же основаниях мы не считаем возможным говорить и о переходе к «национальной греческой централизованной монархии»¹²⁶.

Поэтому нам представляется, что несколько ближе к истине другое утверждение М. Я. Сюзюмова, согласно которому «в Византии XIII—XIV вв. происходила типичная для западного средневековья борьба горожан за права и привилегии»¹²⁷. В целом же мы считаем более точной

¹²² См., например, Э. Франчес. Византиноведение в Румынии в 1956—1961 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 118.

¹²³ М. Я. Сюзюмов. Социальная сущность..., стр. 90.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 35.

¹²⁶ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 61; е го же. Социальная сущность..., стр. 87.

¹²⁷ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 59.